

«Я СЕГОДНЯ ЖЕСТОКО СТРАДАЮ»

Михаил Малыгин

Вчера одному из самых известных российских музыкантов – Владимиру Спивакову – исполнилось 60 лет. Вместе с Национальным филармоническим оркестром России он дал концерт в Большом зале Московской консерватории. Все средства от этого выступления уйдут в Беслан. Как рассказал «НИ» перед выходом на сцену сам СПИВАКОВ, боль народа Северной Осетии стала и его болью.

– Когда мы встречались с вами три года назад, после нью-йоркской трагедии, вы предсказали, что начнется война в Ираке и что наверняка насилие на этом не закончится. Как в воду глядели.

– Чтобы не сбывались тяжелые пророчества, надо менять очень многое. Если раньше существовала политика двойного стандарта – отдельно внутренняя (национальная) политика, отдельно внешняя, – то сегодня все должно быть пересмотрено. Думаю, что политикам придется быть честнее, потому что назрела необходимость в подлинном объединении. А объединение – вспомните Вторую мировую войну – происходит тогда, когда каждый человек начинает понимать: происходящее касается лично его, и без его личного участия этот мир не изменится к лучшему.

Все, что случилось с детьми в Беслане, заставляет меня жестоко страдать. Не могу понять: как люди могли до такого прийти и как можно было все это допустить?! Хотя, наверное, причины очень глубоки и их очень много. В этой связи мне близки слова Патриарха Алексия II, который призвал всех к единению, призвал представителей разных религиозных конфессий постараться понять друг друга. Ведь и христианство, и исламизм, и иудаизм, и буддизм проповедуют гуманизм и любовь. Знаете, сегодня нужны слова любви. Русский философ Пилип Сорокин как-то заметил: сегодня все ищут новые источники сил и энергии, забывая, что самая сильная энергия, которая движет миром, – энергия любви. Дефицит этой энергии мы ощущаем сейчас особенно сильно.

– Вам исполняется 60 лет. Что для вас значит эта дата?

– Доминирует, конечно, желание скорее пережить этот день, чтобы все вернулось на круги своя, наступило 14 сентября, а затем 15-е... Хочу продолжать работать дальше: репетировать, готовиться к открытию сезона Дома музыки, к Фестивалю музыки Альфреда Шнитке. Но, с другой стороны, в день рождения со мной будут тысячи лю-

ДМИТРИЙ ХРИПОВ

СПРАВКА Владимир СПИВАКОВ родился в Уфе 12 сентября 1944 года. Окончил Московскую консерваторию и аспирантуру при ней по классу скрипки. В 1965 году завоевал 1-ю премию на Международном конкурсе имени Маргариты Лонг – Жака Тибо (Париж), в 1967 – 2-ю премию на Международном конкурсе скрипачей имени Никколо Паганини (Генуя), в 1969 – 1-ю премию на конкурсе в Монреале, в 1970 – 2-ю премию на Международном конкурсе имени Петра Чайковского (Москва). В 1979 дебютировал как дирижер с Чикагским симфоническим оркестром. Тогда же основал камерный оркестр «Виртуозы Москвы». В 1989 году организовал Российский национальный оркестр. В январе 2003 года возглавил Национальный филармонический оркестр России. Дискография Спивакова включает около 40 компакт-дисков с музыкой различных стилей – от барокко до произведений композиторов XX века. Он лауреат Государственной премии СССР (1989 г.), народный артист СССР (1990 г.).

дей, а если учитывать и телезрителей, которые увидят трансляцию концерта в прямом эфире, – сотни тысяч! Это очень волнующий момент, для меня это большая радость и счастье. Знаете, поздравления с

юбилеем приходят уже давно, причем со всей России. На некоторых из них вместо адреса написано: «Москва. Владимиру Спивакову». И эта любовь – а она взаимна! – не сравнится ни с чем в моей жизни, и сегодня

она затмевает для меня все официальные почести, звания и награды.

– Почему для концерта вы выбрали именно увертюру «Ромео и Джульетта» Чайковского, самое популярное из его симфонических произведений, да и, пожалуй, самое исполняемое в мире произведение из всего написанного русскими композиторами?..

– Великого дирижера Мравинского как-то застали за необычным занятием – он в лупу разглядывал прижизненные издания партитур симфоний Чайковского. Когда же его спросили: «Евгений Александрович, зачем вы это делаете?» – он ответил: «Боюсь пропустить какую-нибудь точку».

В музыке Чайковского очень многое сказано, и нужно суметь прочесть это. В наше время некоторые дирижеры, особенно западные, интерпретирующие русскую музыку, стремятся исполнять все по-своему. А в результате партитуры становятся «замысленными», композиторское слово, композиторская мысль теряют изначальный смысл. Я думаю, что сегодня необходимо восстанавливать классику, расчищать музыкальные иконы, а именно – заниматься тем, что делают реставраторы с живописными работами старых мастеров. Так что выбор мой отнюдь не случаен. Чтобы исполнить «Ромео и Джульетту» на этом концерте, я работал над партитурой все лето.

– А как вы относитесь к так называемой популярной классике? Ведь музыкальные темы из симфоний и опер сейчас слышатся из мобильных телефонов, но к классической музыке-то это никакого отношения не имеет...

– «Популярная» – значит «любимая». Мне жаль, что выражение «популярная классика» сейчас приобретает пренебрежительный оттенок. Ведь оттого, что музыка понятна и нравится многим, ее глубина и ценность ничуть не мельчают... Что же до Чайковского, то он не популярный, он – вечный.

– В этом году вашему оркестру и Дому музыки, который вы возглавляете, предстоит новую жизнь. Говорят, что для Национального филармонического оркестра на средства ряда российских компаний приобретаются новые дорогие инструменты. К тому же в этом году в Доме музыки установлен орган. Это наверняка расширит ваш репертуар?

– Да, это правда. И для меня важно, что в проект вложены отечественные средства. Ведь в конечном итоге все это делается для России и останется в России. Теперь у нас будет оркестр с великолепной инструментальной базой, в создании которой есть и мой вклад: я передал музыкантам свою коллекцию скрипок. Кстати, в ней есть скрипка XVIII века, на которой я играл и выиграл премию на конкурсе в Монреале... А с появлением органа в Доме музыки мы сможем проводить орган-

ные фестивали. Достаточно сказать, что на наш первый органнй фестиваль обещал прибыть Жан Гийо, чье искусство сегодня признано эталоном мастерства. Я познакомился с ним в Париже, играл в соборе, где он служит органистом. Это, кстати, тот собор, где отпевали маму Моцарта и где в свое время играл легендарный Сезар Франк.

– Вы человек очень востребованный: контракты подписаны лет на пять вперед, концерты проходят по всему миру. Я знаю, что у вас в Париже растут три дочери. Интересно, чем они живут, кем собираются стать? Ваша супруга Сати как-то говорила мне, что одна из ваших дочерей увлечена роком, это правда?

– Да, моя старшая дочь Екатерина действительно занималась рок-музыкой, писала песни, у нее был даже свой ансамбль. Правда, показать свой коллектив мне она так и не решилась... Сейчас она изучает философию и историю кино в Американском университете в Париже.

– А как вы отнеслись к ее увлечению роком?

– Совершенно нормально: я считаю, что дети должны жить своей жизнью, и родители не вправе душить их собственной любовью.

– А средняя и младшая чем увлечены?

– Татьяна – ей 16 лет – играет на флейте, увлекается живописью. Совсем недавно я обнаружил, что она – прекрасная актриса: я видел ее в спектакле по «Запискам сумасшедшего» Гоголя, где она играла на французском языке, по-моему, замечательно. Младшей, Ане, всего 10 лет. Она играет на рояле, поет. Все дети говорят на русском, французском, английском и испанском языках.

– Владимир Теодорович, не кажется ли вам, что классическая музыка все больше становится элитарной, недоступной для многих и, как следствие, невостребованной?

– Я так не думаю. Общение с классической музыкой – это не развлечение, это потребность души человека. От катаклизмов, от того потрясения, которое произошло в результате распада Советского Союза, у нас у всех душа устала и разучилась работать. А классика – это еще и своего рода философия, возможность видеть мир по-другому, чувствовать по-другому... Элитарной, закрытой она не будет, уверяю вас. В этой связи я вспоминаю случай: два солдата, воевавших в Афганистане, хотели попасть на концерт «Виртуозов Москвы», но им не досталось билетов. Они вычислили, где находится окно моей гримерки, и постучали. Разумеется, мы их провели. А после концерта я попросил их заглянуть ко мне. Они зашли восторженные, мы обнялись. И я задал им один-единственный вопрос: смогли бы они после этой музыки убивать? И знаете, что они ответили? Нет, это невозможно!